

УДК 821.161.1(571)" 1920/1930"- 1/-9-93
DOI 10.17223/18137083/73/8

**Как писать для детей о «нашем крае»:
версия писателей Западной Сибири конца 1920-х –
начала 1930-х годов**

Н. Н. Родигина

*Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

На материале выступлений в периодической печати и докладов на Первом съезде писателей Западной Сибири (1934 г.) рассматриваются мнения литераторов, педагогов и представителей партийной бюрократии о задачах и тематических приоритетах региональной детской литературы, о том, кто может быть детским писателем. Охарактеризована деятельность детской секции Западно-Сибирского комитета Союза писателей (первоначально существовала при Сибгосиздате). Сделан вывод о том, что если в 1920-е гг. для сибирской детской литературы были временем активного поиска тем, образов, литературных форм, то к 1933–1934 гг. утвердился соцреалистический канон детской книги, согласно которому основные требования к художественным произведениям для детей – идеологическое соответствие, педагогический потенциал, увлекательность содержания.

Ключевые слова

детская литература Сибири, литературный процесс 1920–1930-х гг., история региональной литературы

Для цитирования

Родигина Н. Н. Как писать для детей о «нашем крае»: версия писателей Западной Сибири конца 1920-х – начала 1930-х годов // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 119–132. DOI 10.17223/18137083/73/8

**How to write for children about “our land”:
a version of the writers of Western Siberia
in the late 1920s and early 1930s**

N. N. Rodigina

*Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The study analyses the publications in “Siberian lights” and “Siberian pedagogical magazine” of the 1920s – early 1930s and the reports of the First Congress of writers of Western Siberia

© Н. Н. Родигина, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

(1934). The opinions of writers, teachers, publishers, and representatives of the party bureaucracy about the tasks and thematic priorities of regional children's literature and future children's writer qualities are studied. The activities of the children's section of the West Siberian Committee of the Union of Writers are considered. The Committee meetings focused on the tasks, thematic priorities of Siberian children's literature, and working methods of children's writers with the members organizing literary evenings for schoolchildren, competitions for the best works for children, promoting children's books about the region. Encouraging motivations for addressing the Siberian children's literature issue were the party resolutions "On the publishing house "Molodaya Gvardiya" (1931), "On the perestroika of literary and artistic organizations" (1932), "On the establishment of the publishing house "Children's literature" (1933), preparation for the First Writers' Congress of Western Siberia, the First Congress of Soviet writers. Also, the lack of works about the region for children, the growth and differentiation of the professional community of local writers were vital. The author concludes that for Siberian children's literature, the 1920s were a period of the active search for themes, images, literary forms, calls for party mobilization in the "workshop of children's writers and poets." It was not until 1933–1934 when the socialist-realist canon of children's books was established, with the main requirements for children's artistic works being ideological conformity, pedagogical potential, and fascinating content.

Keywords

children's literature of Siberia, the literary process of the 1920s–1930s, the history of regional literature

For citation

Rodigina N. N. How to write for children about "our land": a version of the writers of Western Siberia in the late 1920s and early 1930s. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 119–132. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/8

Репрезентация Сибири в детской литературе – тема, которая в последнее время стала привлекать внимание как литературоведов, так и историков (см. [Абрамова, 2016; Бондарев, 2017; Капинос, 2017; Макаренко, Полева, 2017] и др.). Представляется важным определить, с какими целями литераторы Западной Сибири, писавшие для детей в конце 1920-х – начале 1930-х гг., актуализировали тему Сибири; какие обстоятельства влияли на дискурс региональных писателей о детской литературе; какие акторы, помимо писателей, принимали участие в обсуждении вопроса о том, какой должна быть детская литература. На мой взгляд, это не только расширит представления о литературном процессе в Сибири в период активного «огосударствления» литературы и формирования соцреалистического канона [Гюнтер, 2000, с. 283], но позволит уточнить состав авторского корпуса детской литературы о Сибири и на примере конкретного региона определить участие различных социальных институтов в процессе «формовки советского детского читателя».

На замысел статьи оказали влияние наблюдения и выводы Х. Гюнтера [2000], Е. Добренко [1997] о формах и этапах влияния государства на литературный процесс в 1920–1930-е гг., о системообразующих характеристиках тоталитарной культуры и литературы как составной ее части, об истоках и интерпретациях соцреализма начала 1930-х гг., об институтах «формовки советского читателя».

Я опиралась на аргументированное мнение историков детской литературы И. Н. Арзамасцевой [2003], М. Р. Балиной [2013] о том, что детская литература с первых лет образования советского государства стала объектом его пристального внимания и контроля. При этом, как свидетельствуют работы М. Р. Балиной [2013], И. В. Кондакова [2008], в 1920-е гг. детская литература еще была полем

экспериментов, на котором были активны разные игроки (исследователи детского чтения, создатели новой социалистической детской книги, художники-конструктивисты и др.), и «голос власти» звучал достаточно неопределенно, ибо первые ее документы расплывчато указывают на необходимость создания новой литературы для юношества. Ситуация кардинально поменялась после Постановления ЦК ВКП(б) от 9 сентября 1933 г. о создании издательства «Детская литература», закрепившего за государством функции заказчика, производителя и цензора литературы для советских детей. Этому постановлению предшествовала эмоциональная дискуссия догматических марксистов, определявших позицию Комиссии по детской книге при Народном комиссариате просвещения РСФСР (Н. К. Крупской, Э. Яновской, Е. Флериной и др.), с детскими поэтами и писателями К. И. Чуковским, С. Я. Маршаком и др., которая подробно описана Б. Хеллманом [2016, с. 327–334]. Суть дискуссии сводилась к критике тех произведений, которые не преследуют очевидных для юных читателей «воспитательных, агитационных или познавательных целей». Хеллманом охарактеризованы и мероприятия властных структур, в первую очередь Наркомата просвещения, в формировании советского социального заказа к детской литературе, раскрыта роль Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, М. Горького в этом процессе.

Многу были учтены наблюдения О. Ронена о том, что на содержание детской литературы повлияло определение соцреализма, данное А. А. Ждановым на Первом съезде советских писателей в 1934 г., по которому соцреализм ставит перед собой тенденциозную воспитательную цель – «идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма» [Ронен, 2000, с. 969]. При этом отмечено, что детской литературе генетически присуще воспитательное начало, потребность в котором любознательный ребенок будет удовлетворять даже тогда, когда он обращается к яростно антидидактическим произведениям [Там же, с. 970].

С. Г. Маслинская, характеризуя авторский корпус «детского цеха» советских писателей послереволюционных десятилетий, выделила следующие мотивы прихода в детскую литературу: 1) старт для номенклатурной карьеры (С. Михалков); 2) неудачные попытки писать для взрослых или случайные обстоятельства (П. П. Бажов, Н. Н. Носов, А. М. Волков, Л. И. Лагин); 3) шанс сохранить статус советского писателя (М. М. Пришвин) [Маслинская, 2014, с. 395]. Выводы исследователя, коррелируют с материалами, собранными Г. Н. Тубельской [1970], изучавшей сибирскую детскую литературу 1920-х гг.

Работы С. Г. Маслинской, Е. О. Путиловой позволили составить представление о роли педагогов, детских писателей, чиновников образования, сотрудников Детгиза в формировании института экспертов отечественной детской книги, выявить общие тенденции развития критики детской литературы в СССР [Маслинская, 2015; Путилова, 1982].

Понимание задач и функций детской литературы людьми, причастными к созданию детских книг, будет неполным без обращения к советским концепциям детства 1920–1930-х гг. Я разделяю мнение Д. В. Димке, что представители революционной культуры 1920-х гг. отвергали представления о детстве как утраченном рае. Они строили «новый мир», и детям следовало как можно скорее повзрослеть, чтобы присоединиться к взрослым и помочь им в создании справедливого общества [Димке, 2013, с. 83]. Если в первое послереволюционное десятилетие дети, в отличие от взрослых, рассматривались как неиспорченные дореволюционной социализацией, считались наиболее подходящим материалом для создания нового человека и могли быть воспитателями взрослых, то уже с начала

1930-х гг. они должны были учиться и играть под надзором взрослых [Димке, 2013, с. 92–94].

В качестве источников мною были востребованы неопубликованные протоколы заседаний детской секции Западно-Сибирского оргкомитета Союза писателей за 1933–1936 гг., стенограммы Первого съезда писателей Западно-Сибирского края (1934 г.), хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО). Для сравнения «столичной» и «провинциальной» версий задач и функций детской литературы мною были привлечены опубликованные стенограммы докладов Первого съезда советских писателей (1934 г.), а также публикации «Сибирских огней» (1922–1935), «Сибирского педагогического журнала» (1924–1935) (с 1926 г. – «Просвещение Сибири»), посвященные региональной детской литературе.

Как выяснила Г. Н. Тубельская, первые книги для детей о Сибири, написанные представителями «местных литературных сил», стали публиковаться в первой половине 1920-е гг. По ее мнению, первой детской книгой, изданной Сибирским государственным издательством (далее Сибгосиздат) в Новониколаевске, стала сказка Л. Н. Сейфуллиной «Хехекса и плакса» (1922). По-видимому, не случайно, именно Сейфуллина вошла, наряду с представителями Соцвоса¹ и Сиббюро РКСМ, в комиссию по детской литературе, образованную Сибгосиздатом в 1921 г. [Тубельская, 1970, с. 42–43]. В том же году в Барнауле, в Алтайском отделении Госиздата, вышла первая книга Г. М. Пушкарева «Детвора». Сейфуллина так отзывалась о ней: «Маленькая, недурно изданная книжечка, по содержанию мило-забавная. Автор легко скользит по быту, по детской психологии. Педагогу она не даст ничего, но интеллигентных родителей позабавит»². С 1924 г. Пушкарев начинает работать в Сибгосиздате и участвовать в работе детской комиссии. Примечательно, что с первых лет работы Пушкарев посредством публикаций в «Сибирском педагогическом журнале», а потом и в «Просвещении Сибири» информировал учителей и педагогическую общественность об учебной и детской литературе, издававшейся Сибгосиздатом. Так, сообщая в журнале об учебной литературе, вышедшей в 1924 г., он упоминает пьесу В. П. Правдухина «Новый учитель» о жизни сельской школы. «Это чрезвычайно мало, но и это немногое, особенно вначале, издавалось в очень скверных условиях, при большой напряженности», – с горечью пишет Пушкарев³. В своих последующих публикациях он переходит от отчетов о проделанной работе к мобилизационным призывам к писателям, школьным учителям, партийцам, комсомольцам: принять участие в сборе и записи материалов для будущих художественных произведений, направлять их в периодические издания, привлечь к этой работе детей. Он предлагает и перечень сюжетов, которые должны конструировать образ новой Сибири: природа и быт края; борьба с колчаковщиной; пионерское движение; быт сельской детворы. Он советовал учителям рекомендовать школьникам следующие темы сочинений: «Как я участвовал в партизанском движении?»; «Как мы скрывались от белых?»; «Что натворили в нашей деревне колчаковцы?». Ото-

¹ Соцвос – подразделение Наркомпроса, руководившее дошкольными учреждениями, общеобразовательными школами, социально-правовой охраной детей и осуществлявшее контроль за повышением квалификации всех работников социального воспитания.

² Л. С. [Сейфуллина Л. Н.] Глеб Пушкарев «Детвора», Барнаул, 1922 // Сиб. огни. 1922. № 5. С. 184.

³ Г. П. [Пушкарев Г. М.] Сибирское краевое издательство // Сиб. пед. журн. 1925. № 1 (11). С. 74.

бренные сочинения предназначались для отправки в местные периодические издания⁴. «О Сибири мыслят не иначе, как о “стране собак и медведей”, о ней не знает и не будет знать подрастающее поколение. Вот здесь и хочется сказать: давайте создавать свою детскую сибирскую литературу, суровую, крепкую, как кондовая сибирская лиственница, со своим колоритом, со своим внутренним содержанием», – писал он вполне в духе эпохи, приглашая в соавторы всех активных современников вне зависимости от их литературной социализации да и профессиональной принадлежности⁵.

В 1925 г. в русле Постановления ЦК РКП(б) «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» от 6 февраля 1924 г., призвавшего принять меры к созданию советской детской литературы, Сибгосиздатом был объявлен конкурс на лучший рассказ и пьесу для детей. На конкурс поступило 20 пьес и свыше 50 рассказов. Ни одна из пьес не была отмечена премией, но три были одобрены («Семка-чеснок» Е. Хвоцинской, «Беспризорники» Г. Пушкарева, «Я буду пионерка» А. Макарова). Распределение премий за рассказы наглядно свидетельствует о тематических приоритетах конкурсной комиссии. Первую премию получила писательница из Барнаула А. Сенч за рассказ «Повстанчик» о мальчике-партизане, борющемся с колчаковцами. Вторую – рассказ «Лита» О. Быстровой из Бурятии о жизни бурятской девочки при советской власти [Тубельская, 1970, с. 43].

Пушкарев без особого оптимизма оценил произведения, представленные на конкурс: «Сибирь очень лакомый кусок для писателя. Ее колорит, ее борьба с колчаковщиной и т. д. дали неисчерпаемый материал для писателей. Я подчеркиваю – для писателей, ибо большинство писателей не творят, а халтурят за счет богатой Сибири»⁶. Отмечая востребованные темы (деятельность партизан, советский быт, пионерское движение), он критиковал коллег за идеализированное изображение детских домов (Голубев «Буран»), трафаретное изображение края, незнание реалий местной жизни и природы (Голубев «Буран», Громов «Обчее дело»), нереалистичное, фальшиво-героическое изображение детей – участников партизанского движения (А. Сенч «Повстанчик», Громов «Обчее дело»), избыток кровавых сцен борьбы с белогвардейцами (А. С. Новиков-Прибой «Зуб за зуб», П. Г. Низовой «В горах Алтая») и одновременно с этим за сентиментальность, «карамельность» в изображении партизан.

В 1926 г. свое видение задач детской книги излагает в журнале «Просвещение Сибири» А. М. Топоров – учитель, создатель знаменитой школы-коммуны «Майское утро», литературный критик из крестьянской среды. Обосновывая необходимость увеличения количества школьных библиотек, он называет следующие требования, которым должна удовлетворять литература для детей: 1) марксистская идеология; 2) серьезное, реальное содержание; 3) крайне популярное, художественное изложение; 4) хорошее техническое выполнение; 5) дешевизна. Если первые два пункта Топоров считает очевидными и не нуждающимися в пояснениях, то, комментируя популярность и художественность, ссылается на опыт «классических писателей художественной и научной литературы», которые замеча-

---

⁴ П. [Пушкарев Г. М.] О детской литературе // Сиб. пед. журн. 1925. № 2. С. 98.

⁵ П. [Пушкарев Г. М.] О детской литературе // Сиб. пед. журн. 1925. № 1 (11). С. 97.

⁶ Пушкарев Г. М. Сибирь в художественной литературе // Просвещение Сибири. 1926. № 3. С. 93.

тельны тем, «что самые глубокие идеи облачают в простые, доступные, образные формы языка»⁷.

Параллельно с обсуждением требований к современной детской литературе писателями и педагогами ставился вопрос о том, кто будет создавать произведения для детей. Так, Т. Бочаров на страницах того же журнала в статье с «говорящим» названием «Забытый вопрос» агитирует включиться в процесс создания сибирской детской литературы – как учебной, так и художественной, и научно-популярной, – отделы Географических обществ в крупных сибирских городах, университетских ученых и сибирское учительство. Использовать сам журнал «Просвещение Сибири», газету «Юный ленинец» для мобилизации читателей на борьбу с «книжным голодом»⁸. Показателен редакционный комментарий к статье в форме обращения к подписчикам: 1) содействовать созданию сибирской детской книжки; 2) разоблачать подлинную макулатуру, которую дают некоторые «писатели» о Сибири, не зная Сибири⁹. Таким образом, читателям предлагали одновременно освоить роли авторов, критиков и цензоров детской литературы, что соответствует не только общероссийской тенденции партийной мобилизации в литературу, но и стремлению вовлечь читателей в процесс воспитания «правильных» советских писателей. Так, со страниц столичного журнала, специализированного на освещении вопросов детского чтения, «Книга детям» Е. Фрумкина доказывала необходимость изменения системы работы литвузов, литфаков и редакций издательств, для того чтобы обеспечить «приток новых кадров из глубоких слоев рабочих масс», а также целесообразность привлечения тех культурных работников, которые «выросли из интеллигентных слоев», но «были придавлены царизмом» и не обладают боевой закалкой пролетариата. По мнению автора, в «огне строительства, бок о бок с рабочими и крестьянами многие из легкомысленно заклеянных штампом буржуазности» станут «настоящими помощниками рабочего класса в строительстве нашей культурной жизни»¹⁰. На региональном уровне стимулом к такого рода обращениям стало постановление бюро Сибкрайкома от 8 февраля 1927 г. В нем говорилось: «Отмечая распыленность литературных работников Сибири и почти полное отсутствие идеологического влияния и руководства партии среди них, считать необходимым усиление работы Сибирского союза писателей как основной организации литераторов... В целях укрепления коммунистического ядра в Союзе писателей считать необходимым вхождение в Союз всех коммунистов-литераторов» (цит. по: [Парамонов, 1977, с. 186]). Представляется продуктивным рассматривать вслед за И. А. Калининым призывы к литературной мобилизации как попытку речевой инициации прежде «немых» угнетенных, когда подчинение осуществляется не через речевую социальную «немоту», а через настойчивое побуждение к речи; не через лишение права говорить, а, наоборот, через конституирование обязанности говорить [2012, с. 602]. При этом сибирские писатели, критики, педагоги, как и их столичные коллеги, пытались создавать образцы того, что и как должен говорить о социалистической Сибири этот подвергающийся одновременно социальному освобождению и дискурсивному подчинению человек. Впоследствии, в 1934 г. призыв к мобилизации в детскую литературу был официально провозглашен с трибуны Первого съезда

---

⁷ *Топоров А.* В поход за школьной книгой (В порядке постановки вопроса) // Просвещение Сибири. 1926. № 6. С. 39.

⁸ *Бочаров Т.* Забытый вопрос // Просвещение Сибири. 1926. № 6. С. 44.

⁹ Просвещение Сибири. 1926. № 6. С. 43.

¹⁰ *Фрумкина Е.* Кадры детской литературы // Книга детям. 1930. № 2–3. С. 3.

советских писателей С. Я. Маршак: «Мы уверены, что среди наших ученых, изобретателей, инженеров, красноармейцев, моряков, машинистов, охотников, летчиков найдется не мало людей, одаренных наблюдательностью, художественной памятью и воображением. Эти люди сумеют передать детям огромный опыт... часто неведомый профессиональным литераторам»¹¹.

Наряду с конкурсами на лучшую детскую книгу, попыткой компенсировать нехватку литературы о Сибири и предложить образцы сибирского литературного канона, можно считать издание сборника хрестоматийного типа (в этом качестве он был рекомендован для учащихся школ второй ступени) Г. П. Вейсберга, Г. М. Пушкарева «Сибирь в художественной литературе» (М., Л.: Госиздат, 1927). Сборник включал в себя отрывки из художественных произведений о крае, объединенные в следующие тематические разделы, являвшиеся с точки зрения составителей самыми значимыми: 1) туземная Сибирь и сибирская старина; 2) кандальская Сибирь и приискатели; 3) крестьянская Сибирь до революции и переселение; 4) революционное движение в Сибири и гражданская война; 5) новая Сибирь. В числе авторов А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, А. П. Чехов, Н. М. Ядринцев и др. «Новую» Сибирь представляли тексты Л. Н. Сейфуллиной, В. Я. Зазубрина и др. В рецензии на сборник И. Н. Орловский высказал сомнения в критериях отбора произведений (недоумение рецензента вызвало, к примеру, отсутствие в списке авторов П. Л. Драверта, И. В. Федорова-Омулевского), замечания по поводу соразмерности разделов и отсутствия методического сопровождения текстов (вопросов и заданий). «Книга, по нашему мнению, в основных своих разделах недоработана и сделана наспех... Книга методически совершенно не проработана и в этом отношении представляет сырой материал», – констатирует рецензент¹². Судя по всему, Пушкарев и сам был не особенно доволен сборником. Так, он пишет, что «книга вышла из печати в совершенно искаженном против оригинала виде»¹³, оправдывается за ошибки в фамилиях авторов, а также за то, что из текста выпали произведения И. В. Федорова-Омулевского, А. Е. Новоселова, С. И. Исакова и др. Произведения, помещенные в сборник, конечно, нельзя отнести к детской литературе. Но, несомненно, как и многие другие тексты «школьного канона», они относятся к «взрослым» книгам в круге детского чтения и формируют литературный вкус и пристрастия учащихся, поэтому важно, кого Г. М. Пушкарев как детский писатель, сотрудник издательства и критик детской литературы в одном лице считал достойным для изучения в массовой школе.

Параллельно сибирские литераторы активно сотрудничают в «Сибирском детском журнале» (1928–1931 гг.; с июля 1928 г. выходил под названием «Товарищ»), воплощавшем, как показано К. В. Абрамовой [2016] и Е. В. Капинос [2017], авангардные идеи советской пропаганды, при помощи «литературы факта» конструировавшим новые пропагандистские мифы о Сибири. Именно детские журналы, находящиеся под влиянием ЛЕФовских идей, стали территорией репрезентации своего, уже достаточно известного к тому времени, литературного «я» детской аудитории для М. А. Кравкова, Г. М. Пушкарева, В. Д. Вегмана, Г. А. Вяткина, А. М. Топорова и др.

---

¹¹ *Маршак С. Я.* С докладом С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный Съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. Репринтное издание 1934 года. М., 1990. С. 24.

¹² *Орловский И. Н., Вейсберг Г. П., Пушкарев Г. М.* Сибирь в художественной литературе. М., Л.: Госиздат, 1927 // Просвещение Сибири. 1927. № 4. С. 108.

¹³ *Пушкарев Г. М.* Письмо в редакцию // Сиб. огни. 1927. № 2. С. 254.

В 1933 г. в «Сибирских огнях» выходит обширная статья детской писательницы, члена детской секции Западно-Сибирского организационного комитета Союза писателей К. Н. Гайлит. Статья начинается уже традиционным для изучаемого периода утверждением о том, что детских книг о Сибири ничтожно мало. Однако перечень образов нового социалистического края, достойных пера детских писателей, существенно увеличивается: «Сибирь перестраивается. Сносятся вековые таежные массивы, уступая место индустриальным гигантам... В великом напряжении ударных строек, в ломке межей, чересполосицы, в коллективе, на колхозных полях, в ожесточенной классовой борьбе стирается вековая грань, межа города и деревни»¹⁴. Всю детскую литературу о Сибири Гайлит делит на две группы: 1) произведения сибирских писателей о крае; 2) тексты не сибиряков (в их числе она упоминает В. В. Бианки «Аскыр», Д. Альтаузена «Якутенок Олеська», С. А. Ауслендера «Ромка», Л. И. Гумилевского «Золотой узел», Н. И. Леонова «В горных долинах Алтая», «Охотники» и др., П. Г. Низового «В горах Алтая»). Основным объектом внимания автора становится литературное творчество писателей-сибиряков: Г. А. Вяткина, Г. М. Пушкарева, М. А. Кравкова, А. А. Кузнецовой, В. А. Зверева, М. Таежного. Критикуя коллег, Гайлит предлагает свое видение задач детской литературы и требований к детскому писателю: 1) детский писатель не просто занимательный рассказчик вещей... не обремененных нагрузкой положительного воспитательного содержания, он мудрый и вдумчивый проводник ребенка в большой, новый мир реальных вещей, людей и отношений; 2) задача писателя – вместе со школой и детскими организациями готовить нынешних пионеров к построению бесклассового общества, показывать Сибирь так, чтобы этот «показ волновал юного читателя, ставил перед ним какие-то проблемы, вызывал яркие, горячие мечты, помог ребенку широко развернуть свою творческую энергию во всех направлениях»; 3) не в форме прописной морали прививать детям марксистско-ленинское мировоззрение, надо писать «без душного трафарета, сюсюкания и срывов»; 4) нужно смелее обращаться к сюжетам революционного прошлого, показывать Сибирь социалистическую, но не в виде «ходячего энциклопедического справочника», а в занимательной форме¹⁵. Клеопатра Никифоровна пишет и о работе уже упомянутой детской секции, которая занималась чтением и обсуждением произведений для детей, отклоняла или рекомендовала их к публикации в Сибгосиздате, выполняя таким образом функции критики и цензуры. Секция привлекала к сотрудничеству не только профессиональных или начинающих литераторов («отыскивание, открытие новых писательских кадров – ближайшая задача секции»), но и педагогов, работников детских коммунистических организаций, библиотекарей, сотрудников Новосибирского ТЮЗа.

Протоколы заседаний секции за 1933–1936 гг. дают возможность выяснить ее состав, основные направления деятельности, а главное понимание ее участниками задач детской сибирской литературы. Членами секции в эти годы были К. Н. Гайлит, А. И. Герман, Е. К. Стюарт, А. Р. Пугачев, П. В. Гинцель, С. Х. Баранов, М. А. Кравков, В. И. Мрачковский, Г. М. Пушкарев, В. А. Зверев, А. А. Кузнецова, Г. А. Вяткин, Ю. Мориц¹⁶. В «читках» принимали участие представители Крайоно и Горбюро пионерской организации, педагоги-словесники. Протоколы обсуждений текстов коллег создают впечатление неформальной и критичной ат-

¹⁴ Гайлит К. Н. Заметки о детской литературе // Сиб. огни. 1933. № 5–6. С. 150.

¹⁵ Там же. С. 150–156.

¹⁶ ГАНУ. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 29. Л. 33.

мосферы. Так, автору книги стихов «Звери» И. А. Мухачеву адресовали замечания за то, что «непонятна целевая установка автора», а стихи не реалистичны, противоречат действительности. Пейзажи лубочны, охотник не разоблачается автором за свои выдумки, текст нуждается в серьезной переделке¹⁷. Основаниями для критики становились бессюжетность; отсутствие в произведении воспитательных установок; аполитичность или «политическая неверность»; бессмысленность, «картинность» выражений; несоответствие возрасту. Таким образом, детская книга должна была соответствовать следующим критериям: 1) быть дидактичной; 2) познавательной; 3) политически грамотной; 4) не содержать фактических и стилистических ошибок; 5) быть понятной детям.

Возвращаясь к направлениям деятельности секции, отмечу среди них встречи с читателями, участие в конкурсах детского творчества, выступления в периодической печати и на радио с рассказами о новых детских книгах сибирских авторов, организация литературных кружков в школах № 12 и 36 Новосибирска и т. д., т. е. писатели стремились воспитывать своих читателей. С точки зрения выявления особенностей «говорения» сибирских писателей с детьми показательным обращением к пионерам на творческом вечере детской секции в Новосибирском ТЮЗе 25 января 1934 г.: «Вы совершенно правы, когда требуете от писателей интересной детской книги. Советские писатели пока дали вам немного очень хороших детских книг. Вся беда в том, что у нас не было еще создано тех условий, при которых можно было бы продуктивно писать, работать над детской книгой... По постановлению Центрального Комитета партии от 23 апреля 1932 г. в корне изменено это положение, оно создало новые условия для писателя, призвало писателя к творческой работе, к созданию новой советской книги. Писатели Западной Сибири, молчавшие долгие годы, сейчас включились в работу над детской книгой»¹⁸. Сочетание риторики партийных чисток с констатацией недостатков и рапорта о проделанной работе характерно и для других публичных обращений к детям сибирских писателей.

Вопрос о детской книге для сибиряков стал одним из злободневных на Первом съезде писателей Западной Сибири в июне 1934 г. От имени детской секции выступала К. Н. Гайлит. Она подчеркнула, что детские писатели почувствовали партийное внимание раньше, чем «взрослые», поскольку постановление ЦК по поводу «Молодой гвардии» было в 1933 г. на несколько месяцев раньше, чем постановление о литературной организации РАПП¹⁹. Попутно замечу, что на съезде именно РАППовцы обвинялись в том, что детской литературе почти не уделялось внимание (доклад Ф. А. Березовского)²⁰. Председатель оргкомитета по созданию краевого отделения Союза советских писателей А. А. Ансон утверждал, что в течение нескольких лет в Сибири все более или менее удовлетворительные произведения вызвали возражения со стороны «левых загибщиков», которые задавали тон на фронте детской литературы²¹.

Гайлит констатировала, что сибирская детская литература «еще не успевает за бегом большевистских пятилеток» ни в количественном, ни в качественном отношении. В отличие от своей ранее упомянутой статьи, где речь шла о собственном видении задач детского писателя, в докладе она ссылается исключительно

¹⁷ ГАНО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 29. Л. 9–10.

¹⁸ Там же. Л. 23 – 23 об.

¹⁹ Там же. Д. 34. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 33. Л. 53.

²¹ Там же. Д. 36. Л. 58.

на партийные требования к литературе: «Партия требует, чтобы детская литература дала такие книги, которые помогли бы партии воспитать в коммунистическом духе молодое поколение, чтобы оно было готово к предстоящим боям, получив крепкую зарядку в этом и прочную базу в смысле знаний для побед»²². Объектами критики докладчицы стали не только сибирские писатели, пишущие для детей мало («в 1932 г. было издано в Сибири две детских книги, в 1933 г. – две детских книги) и создающие сухие, не отвечающие запросам ребенка произведения, но и газета «Советская Сибирь», журнал «Сибирские огни», уделявшие недостаточно внимания детской литературе. Обвинения в антипартийном поведении были адресованы библиотекарям, не «продвигающим» произведения сибирских писателей. Позволю себе привести фрагмент стенограммы, свидетельствующий об эмоциональном модусе доклада: «Накануне съезда, когда у меня доклад был подготовлен, я захотела узнать в детской библиотеке – есть ли отзывы ребят о сибирских детских писателях. Я считала, что приду в советское учреждение, которое возглавляется Крайоно, что во главе этого учреждения находится коммунист, который знает политику партии в отношении писателей. Но я получила ответ очень знаменательный – мы сибирских детских писателей к читателям не продвигаем.

– Почему?

– Потому, что не считаем их квалифицированными.

– Кого вы продвигаете?

– Классиков.

– Кого же, например, Вяткина не считаете квалифицированным?

– Не считаем.

– Гинцеля, Пушкарева?

– Не считаем квалифицированными.

Это – антипартийный поступок, потому что партия требует развития всемерно продукции советского писателя. Горький обращается к ребятам Советского Союза с просьбой, чтобы они писали, что хотят читать, а кабинет детского чтения закрывает произведения детских авторов. Если Крайоно здесь не повинен, пусть ударят по тем лицам, которые проводят такую политику, умышленно закрывая перед ребятами книжки сибирских писателей»²³. В этом фрагменте примечательна не только ссылка на Горького, который становится к началу 1930-х гг. главным классиком и основным теоретиком детской литературы, но и позиция «надзирать и наказывать», которую с опорой на «линию партии» присваивает себе детский писатель. Характерна и милитаристская риторика, используемая значительной частью выступавших (Л. Н. Эльбакьянц: « Попрошу... изъять эту книжку “Молочный колхоз” как совершенно враждебную нашей детворе»; «Каков фронт нашей борьбы?»²⁴; А. А. Ансон: «Наша детская литература и наша критика это два наиболее отсталых участка работы на нашем писательском фронте»²⁵; и др.).

Выступления литераторов, писавших для детей, позволяют составить представление об их тематических приоритетах, творческих планах и проблемах. В числе последних назывались чрезмерное вмешательство критиков в процесс редактирования детских книг (Г. А. Вяткин, В. А. Итин), тяжелые условия рабо-

---

²² ГАНО. Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

²³ Там же. Л. 13–14.

²⁴ Там же. Ф. Р-272 (Яновский Н. Н.). Оп. 1. Д. 419. Л. 30, 34.

²⁵ Там же. Л. 66.

ты. Типично в этом смысле выступление П. В. Гинцеля, который с горечью говорил: «Прежде всего мешала служба в двух учреждениях. У меня дьявольская нагрузка: с 9 до 4 в учреждении, а с 8 вечера до 2 ночи – литературная работа. При таких условиях работать было очень тяжело, такая нагрузка страшно утомляла, выматывала и, конечно, в значительной мере снижала продуктивность. Приходилось писать уже истрепанным и вызвать свежие образы было очень трудно. В последнее время к этому присоединилась угроза выселения из квартиры... Но самое главное, это оторванность от новой жизни. У меня тематика преимущественно сельская, а я в продолжение 10-ти последних лет в деревне был в общей сложности каких-нибудь девять месяцев? Откуда же я мог черпать живой материал?»²⁶.

В большинстве докладов звучало мнение о том, что детская литература – слабое звено «литературного цеха» сибирских писателей, и в этом были солидарны и сами литераторы, и представители партийной и педагогической бюрократии (хотя из официальных откликов о съезде в периодической печати это утверждение практически исчезло). Однако принимаемая единодушно, судя по докладам, мысль о том, что детская литература должна «правильно», по-социалистически, освещать новую реальность, сочеталась с пониманием необходимости того, чтобы тексты были интересными, познавательными. «Мы не можем кормить детей скучными “политграмотными” книжками, которые нам рекомендовали отдельные редакторы, рецензенты и критики, мы должны им дать интересный, увлекательный художественный материал, на котором они могли бы учиться», – говорил под аплодисменты участников съезда А. А. Ансон²⁷. Несколькими неделями позже эту мысль похожими словами сформулировал С. Я. Маршак в докладе на Первом съезде советских писателей, что свидетельствует, как и публикации специализированных журналов «Детская литература», «Книга детям», о точках соприкосновения в понимании задач детской литературы у столичных и провинциальных литераторов.

Во второй половине 1930-х гг. дискуссии о задачах, темах, образах детской литературы в западносибирском сообществе детских писателей и педагогов практически прекратились, это связано как с утверждением соцреалистического канона в детской литературе, так и с тем, что значительная часть их участников была репрессирована (к примеру, А. М. Топоров) и расстреляна (А. А. Ансон, Г. А. Вяткин, К. Н. Гайлит, В. А. Итин, М. А. Кравков, В. А. Зверев, В. Д. Вегман).

Итак, со второй половины 1920-х гг. на страницах «Сибирских огней» и «Сибирского педагогического журнала» начинается обсуждение вопроса о том, кто и как должен конструировать образ Сибири для детей. Репрезентационным каркасом новой Сибири стала идея перехода от Сибири каторжной, места угнетения крестьян и инородцев, к Сибири, героически сражавшейся с колчаковцами в годы Гражданской войны, а затем территории борьбы с кулачеством и строительства новых социалистических городов-заводов. Как и в столичных специализированных журналах «Книга детям», «Детская литература», представителями местного литературного сообщества, педагогами, партийными чиновниками отстаивалась идея партийной мобилизации в детскую литературу. К началу 1930-х гг. формируется перечень требований к детской литературе, которая должна воспитывать строителей коммунистического общества, выполняя одновременно идеологиче-

---

²⁶ ГАНО. Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 35. Л. 78.

²⁷ Там же. Д. 36. Л. 58.

скую и дидактическую функции, быть интересной и познавательной для детей. При этом дети рассматривались как маленькие взрослые, которые быстрее, чем взрослые усваивают нормы нового социалистического мира.

Список литературы

Абрамова К. В. Сибирский детский журнал: темы, мотивы, редакционная тактика // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 166–176.

Арзамасцева И. Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930. М.: Прометей, 2003. 404 с.

Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей, 1920-е – 1930-е гг. СПб.: Алетейя, 2013. С. 7–19.

Бондарев А. Г. Детская литература Иркутской области: сибирский миф XX века // Литература в школе. 2017. № 10. С. 31–33.

Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 7–15.

Димке Д. Ребенок-ангел vs ребенок-герой: некоторые замечания по антропологии педагогики // Детские чтения. 2013. Т. 3, № 1. С. 74–99.

Добренко Е. А. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. 320 с.

Калинин И. Угнетенные должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е – начало 1930-х гг. // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: НЛЮ, 2012. С. 587–663.

Капинос Е. В. Пропагандистские мифы в «Сибирском детском журнале»: ученики Ленина, пионеры на камлании, Тельбес // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 1. С. 63–78.

Кондаков И. В. Детство как убежище, или «Детский дискурс» советской литературы // Какорея. Из истории детства в России и других странах. М.; Тверь: Научная книга, 2008. С. 138–167.

Макаренко Е. К., Полева Е. А. Итоги и перспективы исследования современной сибирской литературы для детей и юношества (отчет по гранту РГНФ и администрации Томской области) // Вестник ТГПУ. 2017. № 2 (179). С. 128–134.

Маслинская С. Г. Михаил Абрамович Гершензон: профиль критика детской литературы в 1920–1930-е гг. // Детские чтения. 2015. Т. 8, № 2. С. 65–75.

Маслинская С. Г. Нужен ли детский писатель? (К истории становления советской детской литературы) // Детские чтения. 2014. Т. 6, № 2. С. 381–398.

Парамонов С. У истоков новой литературы (Сибирский Союз писателей) // Сиб. огни. 1977. № 10. С. 184–190.

Путилова Е. О. Очерки по истории критики советской детской литературы, 1917–1941. М.: Дет. лит., 1982. 175 с.

Ронен О. Детская литература и социалистический реализм // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 969–979.

Тубельская Г. Н. Из истории детской литературы Сибири в 20-е годы // Тр. Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. Улан-Удэ, 1970. Т. 6. С. 37–87.

Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. М.: НЛЮ, 2016. 560 с.

References

- Abramova K. V. Sibirskiy detskiy zhurnal: temy, motivy, redaktsionnaya taktika [Siberian children's magazine: themes, motives, editorial tactics]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2016, no. 2, pp. 166–176.
- Arzamastseva I. N. “Vek rebenka” v russkoy literature 1900–1930 [“The age of a child” in the Russian literature 1900–1930]. Moscow, Prometey, 2003, 404 p.
- Balina M. R. Sovetskaya detskaya literatura: neskol'ko slov o predmete issledovaniya [Soviet children's literature: a few words about the subject of research]. In: “Ubit' Charskuyu...”: paradoksy sovetskoy literatury dlya detey, 1920-e – 1930-e gg. [“To kill Charskaya...”: paradoxes of Soviet children's literature, 1920–1930s]. St. Petersburg, Aleteyya, 2013, pp. 7–19.
- Bondarev A. G. Detskaya literatura Irkutskoy oblasti: Sibirskiy mif 20 veka [Children's literature of the Irkutsk region: Siberian myth of the 20th century]. *Literature at school*. 2017, no. 10, pp. 31–33.
- Gyunter Kh. Totalitarnoe gosudarstvo kak sintez iskusstv [Totalitarian state as a synthesis of arts]. In: *Sotsrealisticheskiy kanon* [Socio-realistic canon]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 7–15.
- Dimke D. Rebenok-angel vs rebenok-geroy: nekotorye zamechaniya po antropologii pedagogiki [Child-angel vs child-hero: some remarks on the anthropology of pedagogy]. *Children's Readings*. 2013, vol. 3, no. 1, pp. 74–99.
- Dobrenko E. A. *Formovka sovetskogo chitatelya: sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoy literatury* [Formation of Soviet reader: social and aesthetic prerequisites of Soviet literature reception]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 1997, 320 p.
- Hellman B. *Skazka i byl'. Istoriya russkoy detskoy literatury* [Fairy tales and true story. History of Russian children's literature]. Moscow, New Literary Observer, 2016, 560 p.
- Kalinin I. Ugnetyennye dolzhny govorit': massovyy prizyv v literaturu i formirovanie sovetskogo sub'ekta, 1920-e – nachalo 1930-kh gg. [The oppressed must speak: mass appeal to literature and the formation of the Soviet subject, 1920s – early 1930s]. In: *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside. Practices of internal colonization in the cultural history of Russia]. Moscow, New Literary Observer, 2012, pp. 587–663.
- Kapinos E. V. Propagandistskie mify v “Sibirskom detskom zhurnale”: ucheniki Lenina, pionery na kamlanii, Tel'bes [Propaganda myths in the “Siberian children's magazine”: Lenin's students, pioneers on kamlania, Telbes]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2017, no. 1, pp. 63–78.
- Kondakov I. V. Detstvo kak ubezhishche, ili “detskiy diskurs” sovetskoy literatury [Childhood as a refuge, or “children's discourse” of Soviet literature]. In: *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh* [Kakoreya. From the history of childhood in Russia and other countries]. Moscow, Tver, Nauchnaya kniga, 2008, pp. 138–167.
- Makarenko E. K., Poleva E. A. Itogi i perspektivy issledovaniya sovremennoy sibirskoy literatury dlya detey i yunoststva (otchet po grantu RGNF i administratsii Tomskoy oblasti) [Results and prospects of research of modern Siberian literature for children and youth (report on the grant of the Russian State Scientific Research Foundation and Tomsk region administration)]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017, no. 2 (179), pp. 128–134.

Maslinskaya S. G. Mikhail Abramovich Gershenzon: profil' kritika detskoy literatury v 1920 – 1930-e gg. [Abramovich, Mikhail Gershenzon: a profile criticism of children's literature in the 1920 –1 930s]. *Children's Readings*. 2015, vol. 8, no. 2, pp. 65–75.

Maslinskaya S. G. Nuzhen li detskiy pisatel? (K istorii stanovleniya sovetskoy detskoy literatury) [Do we need a children's writer? (To the history of the formation of Soviet children's literature)]. *Children's Readings*. 2014, vol. 6, no. 2, pp. 381–398.

Paramonov S. U istokov novoy literatury (Sibirskiy Soyuz pisateley) [The origins of the new literature (Siberian Union of writers)]. *Sibirskiy ogni*. 1977, no. 10, pp. 184–190.

Putilova E. O. *Ocherki po istorii kritiki sovetskoy detskoy literatury, 1917–1941* [Essays on the history of criticism of Soviet children's literature, 1917–1941]. Moscow, Detskaya literatura, 1982, 175 p.

Ronen O. Detskaya literatura i sotsialisticheskiy realizm [Children's literature and socialist realism]. In: *Sotsrealisticheskiy kanon* [The socio-realistic canon]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 969–979.

Tubel'skaya G. N. Iz istorii detskoy literatury Sibiri v 20-e gody [From the history of children's literature in Siberia in the 20s]. In: *Trudy Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Proceedings of the East Siberian state Institute of culture]. Ulan-Ude, 1970, vol. 6, pp. 37–87.

Сведения об авторе

Родигина Наталья Николаевна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия)

natrodigina@list.ru

ORCID 0000-0003-4938-0924

Information about the author

Nataliya N. Rodigina – Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

natrodigina@list.ru

ORCID 0000-0003-4938-0924